

• АНДРЕЙ •

ДОВБРОВ

ПОСЛЕДНИЙ КРИК МОДЫ
ГИЛЯРОВСКИЙ И ЛАМАНОВА

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Интересный детектив

Андрей Добров

**Последний крик моды.
Гиляровский и Ламанова**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Добров А. С.

Последний крик моды. Гиляровский и Ламанова / А. С. Добров —
«Эксмо», 2016 — (Интересный детектив)

ISBN 978-5-699-85863-7

«Король репортеров» Владимир Гиляровский расследует странное самоубийство брата одной из работниц знаменитой «моделистки» начала 20-го века Надежды Петровны Ламановой. Опытный репортер, случайно попав на место трагедии, сразу понял, что самоубийство инсценировано. А позже выяснилось, что незадолго до смерти красивый юноша познакомился с неким господином, который оказался сутенером проституток мужского пола, и тот заманил юного поэта в общество мужчин, переодетых в черные полумаски и платья от Ламановой... Что произошло на той встрече – неизвестно. Но молодой человек вскоре погиб. А следы преступления привели Гиляровского чуть ли не на самый верх – к особам царской крови. Так какое же отношение ко всему этому имела сама Ламанова?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85863-7

© Добров А. С., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Вступление	5
1	6
2	12
3	18
4	23
5	31
6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Добров

Последний крик моды.

Гиляровский и Ламанова

Вступление

Есть имена в русской истории несправедливо забытые. Например, имя Надежды Петровны Ламановой – одного из первых русских модельеров, конструкторов одежды, ставшей настоящей мировой знаменитостью. Вернее, становившейся. Если бы ее судьбу не перевернула революция, возможно, имя Ламановой стояло бы на одном уровне с такими именами, как Поль Пуарэ, Ив Сен-Лоран и Шанель. Работая над образом моей Ламановой, я старался найти как можно больше информации о ее жизни и, главное, работе Ламановой настоящей. Однако информация эта была скудна – хотя в модном бизнесе есть даже премия имени Ламановой, правда, подавляющее большинство людей о ней ничего не знают. И все же я буду очень рад, если, прочитав эту книгу, вы захотите узнать больше о Надежде Петровне Ламановой – ее судьбе и творчестве. А пока мне остается только предупредить: все персонажи этой книги являются вымышленными и никакого отношения к реально жившим людям не имеют. А теперь отправимся в мир московской высокой моды самого начала XX века вместе с Владимиром Алексеевичем Гиляровским и Надеждой Петровной Ламановой.

1

Поставщик Ея Величества

– Нет уж, Константин Сергеевич, вот Гиляровский пусть меня проводит. Извозчик ни к чему – пойду пешком. Тут не так и далеко – хоть свежим воздухом подышу.

Воздух был не то чтобы свежий, а прямо-таки холодный.

Станиславский весело прищурился и положил руку мне на локоть.

– А? – спросил он. – Все еще богатырь наш Гиляй, не правда ли, Надежда Петровна?

– Хоть куда, – улыбаясь, кивнула Ламанова. – С ним мне совсем не будет страшно.

– Темнеет теперь рано, – сказал я, поплотней натягивая папаху. – Впрочем, тут центр города, безопасно. Доведу, не беспокойтесь. Только раз уж вы меня даже в театр не пускаете, Константин Сергеевич, позвольте спросить – что же вы без Владимира Ивановича репетируете?

– Уехал Владимир Иванович в дальние дали. – Станиславский пожал плечами.

– Отчего?

– Устал. Бросил меня одного. А пьеса-то... Ой-ей-ей! А сам Чехов – увы и ах!

– Что с ним?

– Собирается в Ниццу. Будет переписывать часть сцен.

– Плох мой Чехонте? – спросил я с тревогой – Антон Павлович в последнее время сильно сдал.

Станиславский только вздохнул.

– А пьеса? – спросил я.

– А пьеса... – Константин Сергеевич замялся. – Честно говоря, даже и не знаю. Иногда кажется даже, что и скучна. Но все-таки – это Чехов! Я утешаю себя только мыслью, что это не он скучен, а я глуп.

Ламанова крепче прижала к пухлой груди свой ридикюль, в котором лежали десять тысяч, выданные Станиславским.

– Я вообще не понимаю, как это возможно! – с чувством сказала она. – Вы с ума сошли, Константин Сергеевич! Месяц назад – читка. Теперь – начало репетиций. А премьера – в конце января.

– Не успеете с костюмами? – озабоченно спросил Станиславский.

– За меня не беспокойтесь. Все мерки я сняла, хоть это, я вам скажу, та еще работенка – снимать мерки с артистов. Не могут спокойно постоять всего три часика. Некоторые даже грозились в обморок упасть! Но я за вас беспокоюсь. Какой короткий срок! Ведь еще и праздники надо вычсть – Рождество, Новый год. Месяц чистыми остается – не больше.

– Ну уж нет, – помотал головой Константин Сергеевич, блеснув стеклами своего большого пенсне. – Никаких праздников. Какие могут быть праздники, Надежда Петровна? О чем вы?

– Да как она хоть называется-то, эта пьеса? – спросил я.

Станиславский повернулся ко мне:

– Я вам еще не говорил? «Три сестры» называется. Причем Антон Павлович уверяет меня, что это комедия. Хороша комедия! Сначала ничего не происходит, потом адюльтер и дуэль. Я взял роль, где хоть что-то можно сыграть.

– И кто ваш персонаж?

– Подполковник артиллерист, который от скуки влюбляет в себя учительницу гимназии.

– Фу, как скучно вы рассказываете! – возмутилась Ламанова.

– И заметьте! Все это растянуто на пять лет! Какие-то домашние интриги, пензенская скука, буря... нет – рябь в стакане воды. Казалось бы, такая пьеса просто обречена на провал, но я уверен, что зал будет набит битком, а критика просто разорвет нас на куски – одни от восхищения, а другие от ярости.

Я повернулся к Ламановой:

– А вас, значит, пригласили пошить костюмы?

– Да-да-да! – закивала Ламанова. – Только для того, чтобы Константин Сергеевич во всех афишах и программках написал мое имя.

– А разве вам от этого плохо? Вам от этого только хорошо! – живо воскликнул Станиславский, поднимая бобровый воротник, чтобы защититься от резкого ноябрьского ветра, дувшего вдоль Каретного ряда, где в те дни находился МХТ.

– Вы хотите, чтобы на вашу премьеру пришли мои клиентки – посмотреть, что я там еще сотворила. Не так ли? – спросила Ламанова Станиславского.

– А почему бы и нет? – парировал режиссер. – Придут они не сами, а со своими мужьями – сделаем хорошую кассу на буфете. Не так ли, Владимир Алексеевич? – подмигнул он мне. – Вася Качалов до сих пор вспоминает ту вашу совместную эпопею с Дальским.

Он вновь повернулся к Ламановой:

– Вы слышали эту историю, Надежда Петровна?

– Нет.

– Только не спрашивайте Гиляровского. Спросите у самого Качалова. Качалов расскажет намного лучше и, как мне кажется, правдивей, чем Владимир Алексеевич.

– Константин Сергеевич! – возмутился я.

– Все-все-все! Идите скорей, – заторопил нас Станиславский, – а то Надежда Петровна совсем продрогла. Да и не стоит на улице долго торчать с этим-то...

Он указал тонким пальцем на ридикюль Ламановой.

Тепло распрощавшись со Станиславским, мы с Надеждой Петровной пошли в сторону Большой Дмитровки, где Ламанова держала свое ателье.

– И на кого будете шить, Надежда Петровна? – спросил я. – Книппер играет?

– Книппер, Савицкая, Лилина – это, кажется, главные героини, – ответила она. – Но все так быстро – давай-давай, время поджигает!

– Вы только женские платья будете шить?

– Нет! Представляете, Константин Сергеевич доверил мне полный гардероб! Буду шить и на Мейерхольда, и на Громова. На всех. И даже второстепенные обшивать буду.

– Зачем вам такая морока? У вас, наверное, и своих заказов хватает.

Ламанова резко остановилась.

– Вы что, Владимир Алексеевич! Да это мечта, а не заказ!

– Хорошо платят? – спросил я, кивнув на ридикюль.

– Не в этом дело!

Она снова пошла вперед.

– А в чем?

– Вы, Владимир Алексеевич, представляете, кто мои клиентки?

– Да почитай вся Москва.

– А что это за «вся Москва»? Нет, я не хочу ничего обидного сказать про этих дам, но ведь с ними положительно не о чем поговорить, кроме как о французских тканях, французских модах и французском крое. Да еще они пытаются вечно втянуть тебя в какое-то болото своей личной жизни. Но хуже всего знаете что?

– Что?

– Они думают, что пришли к портнихе.

Слово «портниха» Ламанова выделила с презрением, выпятив нижнюю губку.

– «Только пообещайте мне, Надежда Петровна, что лично будете шить это платье»! И очень недоумевают, когда я им говорю, что шить лично не буду, потому как совершенно это не умею.

– Вы не умеете шить?

Надежда Петровна весело засмеялась.

– Конечно, умею! И шить, и кроить, и все-все-все. Но не буду! Не буду! Я не портниха, я – моделистка! Никак не могу вдолбить в эти женские головы, что моделистка и портниха – это не одно и то же! Мое дело – творить, придумывать, руководить процессом, а вовсе не сидеть за «Зингером», обметывая петли.

Я кивнул.

Через минуту Ламанова снова остановилась.

– А какие иногда странные клиентки ко мне ходят, Владимир Алексеевич! Хотите расскажу?

– Конечно.

– Иногда и не поймешь – откуда они берутся, кто они такие. Вроде приходит с виду обыкновенная горничная или гувернантка. Но такой гардероб заказывает – прямо как принцесса Габсбургская.

– И платят?

– В том-то и дело! Наши дамы, особенно из дворянок, как привыкли? «Сшей мне сейчас, а расплачусь потом, как мужу деньги придут». И тянут – порой и по полгода. Отказаться нельзя – обидишь такую мадам, так она потом начнет про тебя всякие гадости рассказывать, клиентов распугивать.

– А эти, которые горничные, они платят?

– Сразу! Вперед! Иначе я бы и не бралась. Вот летом пришла одна. Мы ей сшили прелестное вечернее платье. Я как бы между делом спрашиваю – к балу готовитесь? А она молчит, как в рот воды набрала. Только кивает.

– Странно, – заметил я.

– Больше того! Три дня назад я ее заметила неподалеку – на Страстном бульваре – с детской коляской! Катит коляску, одета как бонна, а рядом – солдатик идет, любезничает. Не офицер, а простой солдатик. Вот откуда у нее были деньги на платье, а? Солдатик дал?

Я пожал плечами.

– Пойдемте дальше, Надежда Петровна, а то мы тут торчим на виду у всех.

Ламанова прибавила шаг.

– Давайте, – предложил я, – мне ваш ридикюль. Он, наверное, теперь тяжеленький?

– Нет, – улыбнулась Ламанова, – я об него греюсь.

Мы повернули на Петровку и пошли через бульвар, по направлению к Страстному.

– Мне это не нравится, – сказала она наконец. – Все это пахнет скандалом. А ведь не первая такая простушка шьет у меня нечто дорогое.

– Не первая?

– Третья или четвертая.

– Да, странно...

– Я понимаю, когда приезжает какая-нибудь купчиха из Саратова или Нижнего. Тянется к моде, хочет в своем городе быть первой модницей. Это понятно. Ни манер, ни приличного образования – только мужнин капитал, составленный на торговле селедкой или дратвой. Или чем они там торгуют. С ними мучаешься, но они хотя бы понятны. А вот такие... Появляются из ниоткуда и в никуда исчезают! Что это за женщины? Откуда у них деньги? Я ведь беру много, Владимир Алексеевич. Мне мало брать нельзя – надо держать марку!

Минут через десять мы дошли до Дмитровки. Здесь, на углу, под номером 23, стояло четырехэтажное здание доходного дома Адельгейма – зубного врача, прославившегося в лите-

ратурных кругах тем, что как-то заменил коронку самому Достоевскому, приезжавшему в Москву по делам. Кстати, оба его сына стали неплохими актерами. Весь первый этаж здания и был арендован Ламановой под собственный модный дом. В высоких окнах стояло всего два безголовых манекена, одетые один в бальное голубое платье, а второй в прогулочный костюм из шотландки. Над дверями с причудливыми изогнутыми стеклами с латунными ободками была помещена большая вывеска: «Модный дом Н.П. Ламановой». И чуть ниже: «Поставщик Ея Императорского Величества» – с непременно двуглавым орлом.

– Ну вот, – с мягкой улыбкой сказала Надежда Петровна, – большое вам спасибо, Владимир Алексеевич, что проводили. Не хотите зайти согреться? Я вас чаем напою у себя в кабинете.

Я посмотрел вверх на окна.

– Темно уже, а свет ни в одном окне не горит. Где же жильцы?

– Съехали. Новый домовладелец собирается тут все перестраивать.

– А вы?

– Нас тоже попросили. Приходил от него управляющий – да только я выговорила себе еще полгода сроку.

– А потом куда?

– Никому не скажете?

– Нет, – улыбнулся я.

Ламанова сделала знак рукой, чтобы я нагнулся к ней. Надежда Петровна была маленького роста, пухленькая и очень милая. Нагибаться к таким – сущее удовольствие.

– Я строю собственный дом, – шепнула она мне.

– Где же?

– На Тверском бульваре. Только никому ни слова. Поклянитесь!

– Клянусь. Это не у Никитских ли ворот?

Ламанова укоризненно наморщила носик.

– Ну! Это же секрет!

– Хорош секрет, – заметил я, – когда уже и стройка идет, и архитектором не кто-то, а Лазарев. Вот что творит Елисеев на Тверской – это да, секрет. А ваш...

– Ну и ладно! – засмеялась Ламанова. – Мне нужно еще немного времени, чтобы достроить и переехать. А тут уж больно место хорошее. Да и известное моим клиенткам.

Мне показалось какое-то шевеление между манекенами. Мелькнуло несколько встревоженных лиц. Потом дверь отворилась и прямо на улицу, под свет фонаря выскочила взволнованная молодая девушка.

– Надежда Петровна! Надежда Петровна! Идите скорее!

– Оля? – удивленно спросила Ламанова. – Ты чего на холод выскочила? Простудиться хочешь?

– Надежда Петровна!

Ламанова стремительно подошла к ней и выслушала то, что девушка тихо прошептала ей на ухо. Потом растерянно повернулась ко мне.

– Это Бог знает что! Владимир Алексеевич, не пройдет ли внутрь?

– Что случилось?

– Не хочу говорить на улице.

– Хорошо, пойдемте.

Мы вошли в дверь. За нами юркнула и девушка.

– Вот, – указала она в угол просторного зала, где в кресле, расстегнув шинель и сняв шапку, сидел полицейский пристав. При виде Ламановой он встал и коротко поклонился.

– Здравствуйте! – ответила та. – Если вы пришли пошить себе мундир, то, увы, мы этим не занимаемся.

– Мадам, – ответил пристав. – Простите, что побеспокоил. Я жду одну из ваших работниц. Только и всего.

– Только и всего! – откликнулась Ламанова. – В чем дело? Что она натворила?

– Ничего такого, – честно ответил пристав. – Но хочу вас попросить отпустить со мной Фигуркину Анну Петровну для проведения дознания.

– А что случилось-то? – спросил я.

Пристав посмотрел на меня, прикидывая, отвечать незнакомцу или нет. Потом решил, что разговаривать с неизвестными господами его не уполномочивали, и снова повернулся к Ламановой.

– Братец ее повесился. Следователь просил доставить госпожу Фигуркину для протокола. Надежда Петровна ахнула.

– Оля! Где Аня Фигуркина?

– Плачет.

– Где плачет?

– В пошивочной.

Ламанова повернулась ко мне.

– Пойду поговорю с ней. Дождитесь меня, Владимир Алексеевич, хорошо?

– Хорошо.

На ходу снимая пальто и теплую шапочку, Ламанова устремила к двери в противоположной стене, скрытой бархатным бордовым занавесом. Я же подошел к приставу и предъявил ему свою корреспондентскую карточку. Он поморщился.

– Где это произошло-то?

– Извините, не имею права разглашать подробности.

– Так ведь я и так узнаю.

– Узнаете – дело ваше. А я – при исполнении.

– Ну, хорошо, братец.

Пристав помялся, а потом сообщил:

– В Палашевском переулке. Во дворах.

Пристав одной рукой неудобно начал застегивать шинель, а я огляделся. Большой зал был освещен только настенными светильниками. Люстру не включали, вероятно, в отсутствие клиентов, поэтому цвет драпировки на стенах показался мне темным – его разнообразили только ряды небольших фотографий в изящных рамках, изображавших дам в разных платьях. Подойдя ближе, я увидел, что они раскрашены от руки. Из мебели в этом зале было только несколько живописно расставленных кресел и два журнальных столика с последними изданиями «Нового русского базара» и «Вестника моды». Ну и конечно – четыре больших зеркала в полный рост, в тяжелых рамах, так, что, встав напротив, вы как бы видели себя персонажем картины.

Наконец, дверь отворилась и вошла Надежда Петровна, обнимавшая за плечи худенькую светловолосую девушку с заплаканным личиком. На вид девушке было не больше двадцати. В руках она держала полушубок.

– Владимир Алексеевич, – обратилась ко мне Ламанова, – простите, что я снова обращаюсь к вам с просьбой.

– Я и сам хотел вам предложить, – перебил я Надежду Петровну. – Давайте я схожу вместе с ними, присмотрю за вашей работницей.

– Это Аня Фигуркина.

– Хорошо.

Я взял из рук девушки полушубок и помог ей одеться. Замотав голову платком, она ухватилась тонкими пальчиками за мой рукав. Вместе с приставом мы вышли на улицу, где полицейский остановился.

– Поймайте извозчика, – сказал я.

– Тут недалеко, – ответил он.

– За мой счет.

Он пожал плечами и свистнул извозчику, стоявшему неподалеку.

Сев в коляску, мы поехали в Палашевский.

2

Несчастный юноша

– Ну-с, тут дело понятное. – Следователь вынул носовой платок и сипло прокашлял в него несколько раз. – Чистое самоубийство.

В перегороженной ширмой каморке, что находилась под самой крышей дешевого доходного дома в Малом Палашевском переулке, было тесно. В левой ее части с косой, почти черной от сажи балки свисала бельевая веревка, обрезанная дворничьим перочинным ножом. Тело юноши сняли при понятых и положили на узкую пружинную кровать с высокими, немного проржавевшими спинками, застеленную старым коричневым одеялом, после чего дворнику и понятым пришлось уйти, чтобы дать место следователю, сестре покойного, приставу и мне. Бедная девушка тихо плакала, сидя в ногах покойника, потому что табурет занял пристав – придвинувшись к столу, он заполнял протокол опознания. Судя по всему, именно с этого табурета и прыгнул самоубийца, что, впрочем, совершенно не смущало пристава.

– Ждем врача, но только для проформы, чтобы подписал протокол, – сообщил мне следователь. Он вынул папиросу, но потом, поняв, что даже от нее одной вся комната заполнится дымом, убрал обратно в толстый латунный портсигар.

– А кто врачом? – спросил я.

– Зиновьев. Знаете такого?

– Павел Семенович? Конечно.

Я внимательно посмотрел на покойного. Теперь мне стала понятна некоторая скованность пристава – дельце было из таких, о которых не принято было писать в приличных газетах. Судя по внешности, молодой человек принадлежал к той породе, которая женскому обществу предпочитает мужское – и отнюдь не для спортивных занятий. Длинные волосы рассыпались по серой залатанной подушке. Руки, сложенные на груди, были ухоженными, как у дамы. Он был, безусловно, красив при жизни. Несмотря на вываленный посиневший язык было заметно, что красота эта – иного толка, чем красота мужская.

– Да-да-да, – многозначительно кивнул следователь, заметив, что я гляжу на мертвого юношу. – Вам в голову приходит то же, что и мне?

– Возможно.

– А мы сейчас проверим.

Он подошел к девушке и коснулся ее плеча.

– А ну-ка, милая, ответь мне на несколько вопросов.

Аня беспомощно взглянула на человека в расстегнутом коверкотовом пальто.

– Скажи мне, только честно, твой братец он же был... педерастом, не так ли?

Меня передернуло от его прямолинейности. Я даже сделал шаг вперед, но следователь поднял палец – мол, не мешай.

– Это неправда! – с чувством сказала девушка. – Он был нормальный.

– Ну-ну, – покачал головой следователь. – Теперь уже нет смысла скрывать. Теперь уже все равно.

– Нет!

– Хм... – следователь нахмурился. – Так он тебе ничего про это не говорил?

– Он не такой!

– Сейчас придет врач, и я попрошу его проверить, – пригрозил следователь.

– Нет! Не трогайте его! Пожалуйста.

– Ну вот, – следователь повернулся ко мне и снова вытащил носовой платок. – Что и следовало доказать. В этой среде самоубийства не редкость, – и снова закашлялся. – Извините,

простыл. Никак не отпускает. Уже вторую неделю кашляю. Никакие лекарства не помогают. Черт-те что! Жена говорит – покажись врачу, может, чахотка? Не дай бог – на одном лечении разоришься. Так что подожду – может, само пройдет.

– Он не был таким! – Девушка встала и схватилась за металлическую спинку кровати. – Другие его тоже постоянно дразнили. Что же это такое! – крикнула она. – При жизни человека травят, после смерти – тоже! Имейте же хоть немного совести!

Пристав за столом обернулся и вопросительно взглянул на следователя – не надо ли укротить девчонку? Но тот только покачал головой.

– Отчего же у него такие волосы? – спросил он. – Да и руки! Пианист он, что ли?

– Он поэт!

– Поэт? Стишки писал? Где же они?

Девушка метнулась к столу, потеснила пристава и с трудом вырвала на себя рассыпавшийся ящик, из которого посыпались листки. Несколько из них прилетели прямо к моим галошам. Я нагнулся и поднял их. Листки были исписаны неразборчивым почерком – строфы указывали, что это были действительно стихи. Следователь отобрал их у меня.

– Семенов, приобщи. – Он сунул листки пристава. – Посмотрим, что за стихи.

Девушка с трудом положила ящик на столешницу и снова вернулась к покойнику.

– Юрочка, – пожаловалась она. – Зачем ты меня бросил, Юрочка? Как же я теперь без тебя? Что я маме скажу? Не уберегла тебя.

– А где ваша мама проживает? – спросил следователь.

– В Ярославле.

– А вы, значит, с братцем в Москву приехали?

Девушка кивнула.

– С какой целью?

– Я – работу искать. Он... он хотел заниматься литературой... стать настоящим поэтом, печататься.

Я с жалостью посмотрел на юношу: ведь мне было знакомо это желание – я и сам начинал с публикации стихов в журналах.

– Может, прикрыть его пока? – спросил я следователя.

– Подождем доктора, – отрезал тот.

Впрочем, доктор не заставил себя долго ждать – в коридоре послышался стук шагов и голос Зиновьева, который спрашивал у дворника, где искать номер с покойным. Потом дверь отворилась, и Павел Семенович вошел со свойственным ему хитрым прищуром глаз. У доктора была черная борода и сверкающая лысина – и обычно он шутил, что с возрастом у него все волосы сползли с макушки к подбородку.

– Ну-с... Где у нас тело? – начал он, но потом увидел Аню и немного смутился. – Прошу прощения, мадемуазель, вы случайно не родственница?

– Сестра это, здравствуйте, Павел Семенович, – подал я голос.

Зиновьев обернулся ко мне.

– Ба! Ба! Владимир Алексеевич! А вы-то тут какими судьбами?

– Случайно.

Доктор погрозил мне пальцем, а потом повернулся к следователю.

– Вася, сестру надо бы того... удалить.

– Одну минуту, доктор, – ответил следователь и позвал пристава: – Семенов! Давай заканчивай.

– Ага! – буркнул пристав, поманил к себе девушку и ткнул пальцем в бумаги. – Вот тут распишись. И тут... И тут.

Как только Аня поставила свою подпись, следователь велел ей выйти в коридор, но далеко не удаляться – если вдруг придется ее снова допросить. А потом он повернулся ко мне:

– Да и вам пора, господин репортер, нечего тут стоять.

– Ах, оставь его, Вася, – заступился за меня доктор Зиновьев. – У Владимира Алексеевича такие связи!.. Такие связи!..

Следователь явно засомневался в своем желании выпроводить меня. Тогда я помог ему укрепиться в этом сомнении, вынув пару визитных карточек из своего портмоне и продемонстрировав их следователю Васе.

– Нехорошо-с... – пробурчал тот. – Оказываете давление-с.

– Я просто тут постою, посмотрю.

– А потом в какой-нибудь газете напише-те-с...

– Нет-нет, не напишу. Это для меня лично. Девушка работает у моей хорошей знакомой. Она-то меня и попросила присмотреть – что тут и как. Только для этого, – заверил я следователя.

Тот, вероятно успокоившись, кивнул.

– А это что? – спросил доктор, возившийся с пуговицами сорочки покойника.

Он двумя пальцами вынул из нагрудного кармана мертвеца бумажку и, не разгибаясь, протянул свернутый вчетверо листок. Я же, пользуясь тем, что оказался ближе, взял листок из его рук и развернул.

– Но-но-но! – прикрикнул следователь и выхватил бумажку из моих рук. – Связи связями, а я попрошу вас не мешать!

Он коротко взглянул на листок, поморщился и передал его приставу, чтобы тот подшил к делу.

Но мне хватило одного взгляда, чтобы запомнить – три нарисованные карандашом рожицы и под ними только одно слово: «Сестры».

В коридоре за дверью слышались тихие рыдания и неразборчивый мужской голос – вероятно, девушка, ждавшая окончания осмотра, снова заплакала, а дворник ее утешал.

Доктор освободил ворот покойника и начал осматривать глубокий след от веревки на его шее. Потом приподнял голову и ощупал череп.

– Ай-йй-йй, – вдруг произнес он тревожно. – А вот это что такое?

– Что? – быстро спросил следователь.

– Одну минуту... одну минуту... Помогите-ка мне его на бок перевернуть.

Вместе со следователем он перевернул юношу на правый бок и, раздвинув волосы, указал на вмятину под макушкой.

– Вот, Вася, смотри. Крови почти нет, потому ты ее и не заметил.

– Может, это старое? – спросил с сомнением следователь. – У меня вон тоже шишка есть на затылке – в детстве упал.

– Ну ладно! Что я, не отличу старой шишки от свежей вмятины? Не-е-ет. Конечно, прямо так сразу утверждать не могу, но перед смертью кто-то нанес ему сильный удар.

– Насколько сильный? – спросил я, заслужив еще один неприязненный взгляд следователя.

– Вас, Владимир Алексеевич, такой удар свалил бы с ног. Впрочем, как мне кажется, череп ваш намного толще, чем у этого юноши. Для него такой удар мог быть если не смертельным, то крайне тяжелым.

– То есть он мог с ним дойти до дома и тут уже повеситься? – уточнил я.

– Не думаю, – покачал головой доктор Зиновьев. – Проползти несколько метров смог бы. Но дойти, приладить веревку, встать на табурет и... Не думаю.

– Да что вы тут заладили! – взорвался следователь. – «Не думаю, не думаю»! Мы уже с Семеновым все бумаги честь по чести оформили как самоубийство. Мне что, теперь все заново переписывать?

– Вася, – мягко сказал Павел Семенович, – я же все равно отчет свой составлю. Уж прости, дорогой, но ты меня знаешь.

Следователь с досадой махнул рукой.

Доктор подошел к приставу, который тут же вскочил и уступил табуретку. Зиновьев с сомнением посмотрел на нее, но потом сел и достал из своей сумки бумаги.

– Семенов, – сказал следователь, – позови девушку. А сам подожди в коридоре – а то тут совсем повернуться негде.

Вошедшая Аня первым делом бросилась к кровати. Она повернула брата на спину и сложила ему руки на груди.

– Барышня, – сказал ей следователь. – У меня к вам образовалось еще несколько вопросов.

Аня грустно кивнула.

– Расскажите, когда вы в последний раз видели своего брата? И не рассказывал ли он вам о чем-то странном или важном?

Аня подняла на него покрасневшие глаза.

– Странное? Еще бы! Его довели до самоубийства, и я знаю кто!

– Кто же?

– Люди в масках.

Она рассказывала довольно бессвязно, постоянно путаясь. Поэтому я передам ее рассказ своими словами.

За вечер до самоубийства Юрий пришел домой поздно, в самом подавленном состоянии духа. Аня разогрела на спиртовке принесенный с собой кусок колбасы. Но брат сел на табуретку, закурил, а к колбасе даже не притронулся. Аня некоторое время не обращала на него внимания, занимаясь стиркой. Она поставила таз на стол, но скоро сквозняк от окна остудил воду в тазу и стирать стало неприятно. Наскоро отжав покрасневшими от холода руками белье, Аня развесила его в углу на бельевой веревке и только тогда увидела, что колбаса на тарелке осталась нетронутой. Подумав, что Юра где-то перекусил по дороге, она съела половину колбасы и попросила у брата папиросу. Но тот совершенно не отреагировал на просьбу сестры. Он сидел на табурете, сгорбившись, и тихонько раскачивался.

– Что ты такой хмурый, Юрка? – спросила девушка. – Случилось что?

В ответ брат только ударил кулаком по столу – так, что спиртовка подпрыгнула. Звякнула тарелка.

– Ничего! – угрюмо ответил брат.

– Ну, ничего так ничего, – кивнула Аня.

– Мерзавцы! – скривился Юра. – Как они вообще посмели подумать такое!

Только тут Аня начала понимать, что могло случиться. Юра с раннего детства был очень милостивым мальчиком. Его внешность, манеры и привычка одеваться многим казались совершенно не мужскими. И потому Юру иногда задирали на улице хулиганы, предлагая всякие мерзости. Аня, когда могла, вступалась за брата. Но не всегда оказывалась рядом в нужный момент.

Как-то брат рассказал, что познакомился с одним очень интересным человеком, который искренне, как ему показалось, заинтересовался стихами юноши. Произошло это в начале ноября – Юра у памятника Пушкину на Тверском бульваре пытался читать прохожим гулякам свои стихи, положив у ног старую шапку. Денег в нее кидали мало. И только один господин – в пенсне, с усиками а-ля Фридрих Прусский, положил трехрублевку, а потом и подошел познакомиться. Он сказался Аркадием Бромом, помощником издателя. В разговоре этот самый Бром сразу начал делать намеки – мол, поэзия Юры непонятна обывателю, потому что наполнена образами, интересными скорее для узкого круга лиц, которые только и могут обратить внимание на начинающего поэта и поддержать его труд. Внимание элегантного, хотя и немного

вызывающе одетого господина, естественно, польстило юноше. И он согласился встретиться с Бромом через неделю в ресторане «Эрмитаж».

Понятно, что юноша очень волновался перед встречей – он ни разу еще не бывал в ресторане. И хотя полученное в семье воспитание включало более-менее приличное поведение за столом, но все же одежда его совершенно для этого случая не подходила. Он даже пару раз накричал на Аню, обвиняя ее в том, что жалованья девушки совершенно недостаточно, чтобы купить хоть что-то, в чем не стыдно было бы выйти из дому. Девушка нервно отвечала – мол, если бы он не сидел все время дома, а устроился хотя бы на какую-то службу – хоть давать уроки, подготавливая детей к экзаменам, начал бы приносить деньги, то и жили бы они иначе. Ее же жалованья с трудом хватало, чтобы платить хозяйке за каморку и покупать самые дешевые продукты в Обжорном ряду.

Наконец Юра совершенно отказался от встречи со своим новым знакомцем, рассудив, что лучше остаться дома, чем опозориться своим внешним видом в ресторане. Он лег на кровать, повернулся к стене и начал что-то тихо бормотать – вероятно, жалуясь на свою загубленную молодую жизнь. Но в последний момент все же вскочил, схватил шапку, морской бушлат, купленный еще четыре года назад по случаю, и выбежал на улицу.

Юры не было целый вечер. Он пришел поздно – опустошенный и подавленный. Не раздеваясь, плюхнулся на кровать и разрыдался. Аня, подсев, обняла брата и начала его выспрашивать, что случилось.

Он смог более-менее успокоиться только через полчаса. И рассказал все.

Тогда, на бульваре, Аркадий Бром, как показалось Юре, дал понять, что он принадлежит к масонам. Именно так юноша трактовал странные, не очень понятные намеки господина с прусскими усиками. И странное рукопожатие – долгое, с какими-то ужимками.

Сначала Юра долго топтался, не решаясь войти в ресторан, стоял в стороне и смотрел на людей, проходивших мимо осанистого швейцара, караулившего резные двери, думал – попытайся он так же пройти внутрь, этот швейцар схватит его за шкурку и выбросит на улицу со словами: «А куда это ты, нищесброд, прешь? Поди-ка отсюда, здесь таким, как ты, не место. Не видишь – тут чистая публика ходить изволит?» Он уже совсем собирался уйти домой, но в последний момент с отчаянием атакующего солдата рванулся к дверям, проскочил мимо швейцара, который, хоть и бросил на него строгий взгляд, однако дороги не преградил. Оказавшись внутри, в холле с высоким лепным потолком и большими зеркалами, Юра снял верхнюю одежду и передал гардеробщику, стараясь не смотреть на свое отражение. Ему казалось, что стоит взглянуть в зеркало и вся решимость тут же исчезнет – уж слишком неуютно он чувствовал себя здесь, среди позолоты и цветов. Но потом Юра подумал: да какого черта! Разве он не такой же человек, как и все эти дамы и господа? Как этот швейцар и этот гардеробщик? В конце концов, он не обедать сюда пришел, а встретиться с человеком, от которого, возможно, зависят его судьба, его будущая слава, его гонорары. И не приведет ли эта встреча к тому, что через некоторое время он, Юрий, уже известный, пусть в узких, но богатых кругах, поэт, придет сюда на лихаче и сбросит шубу на руки того же бородатого гардеробщика, а тот не будет морщить нос, как сейчас, и с подобострастной улыбкой понесет его шубу, как одалиску, на широко расставленных руках к вешалке и вскоре с поклоном вынесет ему латунный номерок?

Пригладив волосы, все так же не глядя в зеркала, Юрий прошел в зал и остановился, ошарашенный запахами еды, звоном столовых приборов, да и всем видом этой залы, со всеми сидящими тут людьми.

– Добрый вечер, молодой человек, – раздался над его ухом голос метрдотеля. – Заказывали столик? Или вас кто-нибудь ждет?

– Ждет, – сказал юноша, отчаянно ища глазами своего нового знакомого и с ужасом понимая, что может и не узнать его без верхней одежды среди всей этой толпы.

– Позвольте узнать, к кому?

Юра повернулся к метрдотелю, сохранявшему совершенно отрешенное лицо.

– Меня должен ждать господин Бром.

– А! – Брови метрдотеля вздернулись, и Юра позволил себе наконец расслабиться. – Аркадий Венедиктович! Да-с. Он предупреждал. Ждут-с в кабинете. Прошу за мной.

Юра пошел вслед за метрдотелем мимо столиков, за которыми сидели люди, совершенно не обращавшие на него внимания. Юра хотел быстрее миновать зал, проскочить сквозь него, но метрдотель не торопился, время от времени кивая с улыбкой знакомым посетителям.

Наконец эта пытка кончилась – они вошли в узкий коридор и остановились у двери с номером «5». Метрдотель распахнул дверь:

– Прошу вас!

Аркадий Бром сидел за столом, накрытым к ужину. Увидев Юру, он встал, обогнул стол и снова долго держал его руку в своей, а потом усадил на стул и отослал метрдотеля. Он налил Юре вина и положил на его тарелку тонко нарезанный расстегай, пригласив сначала угоститься и согреться и при этом просил чувствовать себя совершенно свободно. Юра при одном взгляде на тонкие ломтики расстегай с рассыпчатой рыбной начинкой почувствовал, как сжимается от голода желудок. Он взял вилку и стал есть, поначалу стараясь отламывать небольшие кусочки. Бром между тем снова завел речь о том, что обыватель не понимает ни образов, ни ритма его стихов. Когда Аркадий Венедиктович поднял свой бокал и предложил выпить за поэзию, Юра, до этого пивший вино по редким праздникам и то только дома, схватил свой бокал и выпил вино как воду – одним духом. Бром засмеялся одобрительно и снова подлил из бутылки.

Так и пошло: расстегай сменился другими закусками, бокал следовал за бокалом – скоро Юра захмелел, осмелел и даже начал иногда спорить с Бромом. Правда, не совсем понимая, зачем и о чем. Он жаловался на жизнь, а вернее, на сестру. Жаловался на квартирную хозяйку, на соседей, на родителей. Наконец Аркадий Бром подсел рядом и крепко взял его за руку.

– Послушайте, Юра, – сказал он ласково. – Сейчас мы с вами поедем к людям, которые примут в вас самое искреннее участие. Они, возможно, покажутся вам немного... – он снова засмеялся, – странноватыми. Но это ничего. Вот, выпейте еще вина. На улице холодно.

Юра плохо помнил, как они прошли через зал, как оделись в гардеробе. Снаружи действительно было холодно и уже темно – фонари светили пока вполнакала. Бром поймал извозчика. По дороге он все время давал кучеру указание повернуть то направо, то налево – как будто они ехали не по знакомым московским улицам, а по какому-то критскому лабиринту. И часто брал Юру за руку – впрочем, всегда так непринужденно, как будто с дружеским участием.

Наконец Бром остановил извозчика, и они с Юрой сошли у черного входа большого трехэтажного здания.

– Сюда, Юра, идите сюда, – позвал Бром, открывая перед ним дверь.

Они поднялись на второй этаж по темной лестнице и вошли в пустую кухню. Потом через другую дверь попали в гостиную. Здесь Аркадий Венедиктович усадил Юру на кушетку и велел подождать.

3

«Сестры»

Сначала он старался сидеть прямо, но тепло, исходившее от большой голландской печи в углу гостиной и выпитое вино наконец сделали свое дело. Юра снял бушлат, положив его рядом, а потом облокотился на спинку кушетки и вяло начал рассматривать помещение. «Странное место для посвящения в члены ложи», – подумал он. Большая хрустальная люстра под лепным белым потолком не горела – только несколько изящных бра погружали всю гостиную в мягкий полумрак. На стенах, оклеенных персиковыми полосатыми обоями, висело несколько картин совершенно вакхического содержания в тяжелых рамах с потемневшей от времени позолотой. Кроме кушетки, на которой он сидел, здесь стояли еще один мягкий большой диван и несколько кресел. Были и два окна, закрытых тяжелыми коричневыми гардинами. В дальнем углу Юра разглядел стол, на котором стояло несколько бутылок с шампанским.

Долгое ожидание совсем разморило молодого поэта, и он задремал.

Разбудили его тихие голоса и шелест ткани. Он открыл глаза и от неожиданности вздрогнул. Перед ним стоял Аркадий Венедиктович с бокалом шампанского в руках, а позади него – три странные фигуры. Сначала Юра подумал, что это женщины. Но секундой позже с ужасом понял – нет, это были трое мужчин, одетых в платья. Хотя прикрытые полумасками лица их были накрашены, как у женщин, однако скрыть мужские черты косметика была не в состоянии. Одна из «женщин» – ее изображал мужчина помоложе, – шурша платьем с искусной вышивкой, подошла и села рядом с юношей.

– Здравствуй, красавец. Выспался?

Мозг Юры все еще отказывался сделать логический вывод о месте, в которое он попал. Ему все еще казалось, что этот карнавал – всего лишь часть испытания для неофита. Он кивнул, даже не попытавшись отстраниться.

– Дайте ему шампанского, – приказала вторая «женщина» – платье на ней сидело в обтяжку, и фигура выдавала мужчину коренастого. – А то он оробел!

«Дамы» и Бром засмеялись. Третий ряженный в полумаске подошел к столу и налил бокал. Потом приблизился к кушетке и небрежно протянул шампанское Юре – несколько капель пролились на его пиджак.

– Держи, – приказал он.

Юноша, не смея взглянуть в его глаза, взял бокал, но пить не стал. Он чувствовал себя как кролик перед тремя удавами. Реальность происходящего постепенно начала прорываться сквозь опьянение и ту защитную стену, которую пытался выстроить мозг.

Попался! Теперь он ясно понимал, что Бром вовсе не хотел ввести его в масонский орден. Что его целью было сначала завлечь Юру, а потом отдать в руки извращенцев-мужеложцев. И он, поддавшись, позволил себя напоить и отвезти в это гнездо разврата, которое находилось непонятно где. Надо было бежать, но как? Как прорваться через руки четверых мужчин, желавших явно поразвлечься с юношей.

– Что вы хотите? – испуганно спросил Юра.

Мужчины переглянулись и начали улыбаться.

– Ничего такого, – просто ответил молодой, сидевший рядом. – Ничего необычного. Перестань дичиться, красавчик. Аркадий Венедиктович рассказал нам, что ты поэт. Вот, выпей и прочти нам стишок. – Он повернулся к Брому. – Аркаша, позови...

Бром кивнул, поставил бокал на столик и вышел.

– Это для нашего архива, – сказал молодой, снова поворачиваясь к Юре. – Ты ведь не против?

В комнату вошел человек с треногой и ящиком фотографического аппарата.

– Любишь фотографироваться? – спросил молодой, пока двое остальных занимали места позади кушетки для общей фотографии.

– Нет.

– Зря! Эти фотографии... – Молодой щелкнул пальцами.

Юра почувствовал, как на его плечо легла рука коренастого. Толстые пальцы впились в пиджак, придавливая юношу к спинке кушетки. Он дернулся, стараясь вырваться, но тут же чужая рука придавила и второе его плечо.

– Сиди смирно, – послышался голос. – Иначе фотография не получится.

– Да уж, – сказал молодой, придвигаясь ближе настолько, что Юра мог рассмотреть мелкие бусинки, пришитые по краям полумаски. – Зря мы, что ли, одевались специально для тебя? Посмотри на мое платье. Нравится? Хочешь такое?

Фотограф быстро расставил треногу, нырнул внутрь полога и поднял руку, в которой держал вспышку.

– Улыбайся! – послышался голос сзади, и пальцы еще сильнее впились в плечи Юры.

«Пропал!» – с ужасом подумал юноша.

Вспыхнул магний вспышки.

– Прекрасно, – сказал молодой. – Для начала очень хорошо.

– Для начала? – простонал Юра.

– Конечно! Вечер только начался.

Молодой повернулся назад – к остальным ряженным.

– Ну что, сестры, кто сорвет первый цветок с этих поэтических уст?

– Так-так, – сказал следователь. – Видите, доктор, все понятно. Юношу обесчестили. Он не выдержал и повесился. А рана на голове – следствие какой-нибудь старой травмы. Яснее ясного.

– Нет, – помотал головой доктор, – не старой. Я что, не могу отличить старую от новой? Аня вдруг напряглась.

– Никто его не обесчестил! – выкрикнула она. – Они этого не сделали!

– Как так? – спросил следователь.

– Юра сказал, что он начал сопротивляться. И тогда эти люди, поняв, что ошиблись в нем, что он – не такой, как они, очень разозлились, позвали этого Брома и сказали, чтобы он выбросил Юру вон. Так что никто его не бесчестил!

– Но вы же сказали, что ваш братец пришел домой очень расстроенный, – возразил следователь.

– Не этим! А тем, что его приняли за мужеложца! Да и вообще – представьте, что это произошло с вами! – сердито сказала Аня. Эта маленькая худенькая девушка была похожа на ошкетинившегося зверька, защищающего свое потомство.

– А может, он вам просто не сознался от стыда? – начал спорить с девушкой следователь.

– Погодите, – прервал их доктор Зиновьев. – Если юноша до сих пор не имел гомосексуального опыта, то такой групповой акт насилия должен был повредить ему... да-с... простите, барышня, задний проход. И он как минимум должен был испытывать чувство неудобства при сидении. Вы заметили что-то такое?

– Нет! – резко ответила Аня. – Я же говорю вам, никто его не насиловал – все закончилось так, как я сказала.

– Отчего же он тогда повесился?

Тут не выдержал и я.

– Так ведь доктор уже сказал, он не повесился. Его повесили. И это очевидно! Эти самые «сестры» не хотели, чтобы человек, который видел их лица, гулял на воле. Они либо подослали к нему своего прислужника – того же Брома, либо сделали это сами.

– Да? – повернулся ко мне следователь. – И оставили улику? – Он протянул бумажку, вынутую доктором из кармана юноши. – Не слишком ли странно?

Я пожал плечами.

– Нет, дело тут ясное – это самоубийство. И значение записки очевидно – юноша сам написал ее, положил в карман и повесился.

– Можно сличить почерки, которыми написаны стихи и записка, – предложил я.

Следователь досадливо скривился.

– Не вижу особого смысла. Мы и так потеряли много времени. Семенов! Давай сюда протокол.

Взяв у пристава бумагу, следователь передал ее на подпись Ане. Девушка вопросительно взглянула на меня. Я мог бы ей посоветовать не подписывать протокол, требуя более тщательного расследования, однако не сомневался, что оно будет проведено спустя рукава и результата не даст. Поэтому просто отделался пожатием плеч. Так что Аня протокол подписала.

Когда следователь, доктор и пристав ушли, Аня снова повернулась ко мне. В глазах у нее стояли слезы.

– Это нечестно, – сказала Аня обиженно. – Мой брат... он не заслужил этого.

Я вздохнул.

– Как я напишу маме с папой? Как я им все это скажу?

Нижняя губка у нее задрожала. Мне было жаль ее, однако поделать я тут уже ничего не мог.

– Есть ли у вас деньги на похороны? – спросил я, доставая бумажник.

Она помотала головой.

– Вот, примите от меня. Здесь немного, но хоть что-то. – Я положил несколько кредиток на стол.

– Нужна ли вам еще какая-то помощь?

Аня беспомощно взглянула на меня.

– Спасибо. Только одно. Вы не могли бы передать Надежде Петровне, что я сегодня уже не приду?

– Конечно! Прямо сейчас схожу и передам.

Аня заколебалась, а потом, шмыгнув носиком, продолжила:

– Я сказала им не все.

– Да?

– Есть кое-что, о чем я не сказала. Это касается Надежды Петровны.

Я удивился. Каким образом Ламанова оказалась впутана в это дело?

– Когда Юра рассказывал про этих мужчин... тот – молодой – похвастался, что их платья шились на заказ у Надежды Петровны.

– Вот так так?

– Ведь это теперь не важно? Я правильно сделала, что не рассказала об этом?

– Совершенно правильно.

– Хорошо... – Ее плечи совершенно поникли.

Я так и оставил ее – маленькую, поникшую, сидящую на табурете, с которого ее брат шагнул в мир иной. Наедине с телом несчастного поэта, имя которого мир так никогда и не узнает.

Решив не брать извозчика, я пошел пешком, раздумывая. Кажется, загадка, о которой давеча мне говорила Надежда Петровна, разгадана, хотя сама разгадка ей явно не понравится.

Понятно, что некие мужчины для своих развратных игрisci заказывали Ламановой платья через подставных женщин. Впрочем, таких извращенцев не должно быть много – чтобы заказывать у Надежды Петровны платья, надо не только иметь туго набитый кошелёк, но и обладать неким извращенным чувством прекрасного.

За всеми этими размышлениями я совершенно забыл о том, что час-то уже поздний. И потому сначала несколько раз дернул дверь ателье, прежде чем сообразил: оно уже закрылось. Но тут за стеклами появилась физиономия ночного сторожа. Он отпер дверь и приоткрыл створку.

- Чего надо? – строго спросил сторож.
- Надежда Петровна уже уехала?
- Нет еще. Собирается.
- Я к ней.
- Закрыто уже. Поздно пришли. Завтра теперь.
- Передай ей, что пришел Гиляровский. Я тут подожду.

Сторож кивнул, запер дверь, оставив меня на холодном ветру, и удалился. Впрочем, ждать мне пришлось недолго. Скоро появилась сама Ламанова. Отперев дверь, она пустила меня внутрь, помогла раздеться и через темный зал провела в свой кабинет.

- Рассказывайте скорее, как Аня? Что там случилось?

Я огляделся. Кабинет был небольшой, но выдавал хороший вкус хозяйки. Французское кресло, в которое посадила меня Ламанова, казалось изящным – я думал, оно развалится под моим весом, но оно меня вполне выдержало.

– Вы замерзли, – сказала Ламанова и достала из небольшого шкафчика бутылку рома и две изящные рюмки. – Вот, держу на всякий случай. Нет, я сама не пью – так, для гостей.

Я кивнул и принял из ее рук рюмку. От рома по телу пошло тепло.

Мой рассказ получился недолгим – щадя Надежду Петровну, я рассказал все довольно коротко, без подробностей. Она слушала очень внимательно, сидя за столом, на котором, кроме небольшой лаликовой¹ электрической лампы, ничего не было.

– Бедная девочка! – вздохнула Ламанова. – Хорошо, что вы с ней сходили, не оставили одну. Такое потрясение! Боже мой! И она там сейчас наедине с покойником! Что же делать? Может, съездить к ней?

- Тело, наверное, уже забрали в полицейский морг, – сказал я.
- Да почему же? Ведь все бумаги они оформили!
- Нет. Я знаю доктора Зиновьева. Этот, если уж сказал, что не верит в самоубийство, значит, никаких свидетельств не подпишет, прежде чем не будет проведено настоящее расследование. Я уверен, что он уже побывал в Сыскном.

– И все же я поеду к Ане, посмотрю, как она там. К тому же ей ведь нужны деньги на похороны.

Меня тронула эта забота Ламановой о своей работнице. Обычно хозяева предпочитали вообще не замечать проблем у своих подчиненных. Хотя, конечно, бывали и исключения – такие, как Елисеев, который строил для своих престарелых работников особые дома призрения.

- Погодите, Надежда Петровна, есть и еще кое-что. И оно касается непосредственно вас.
- Меня?

Я рассказал ей про платья и выложил свои догадки насчет тех гувернанток и бонн, которые заказывали у Надежды Петровны роскошные наряды. Ламанова была поражена.

- Бог ты мой! – воскликнула она. – Этого еще не хватало! Какой ужас!
- Почему ужас? – поинтересовался я.

¹ Лампа фирмы «Лалик» (Lalique) (примеч. ред.).

– Моя репутация! Вы представляете, Владимир Алексеевич, что если эта история всплывет в газетах? Меня могут обвинить, что я шью платья для мужеложцев!

– Да что вы! Кому придет в голову?..

Тут я осекся. Зная нравы современных газетчиков, можно было совершенно не сомневаться в том, что одна-две газеты сделают именно так, как говорила Надежда Петровна.

– Моей работе придет конец! – Ламанова вскочила из-за стола и начала ходить по небольшому кабинету. – Вывеску придется снять! «Поставщик Ея Императорского Величества»! Надо же – шьет для извращенцев, для участников подпольных оргий! Кошмар! А МХТ? Станиславский больше никогда не даст мне заказа на костюмы для спектаклей. Я так об этом мечтала! Боже! Теперь все – конец.

Она остановилась, задумавшись, а потом резко повернулась ко мне.

– Владимир Алексеевич! Родной! Вы же король репортеров. Вы всех знаете, все можете. Помогите. На вас только надежда. Что мне сделать, чтобы вы мне помогли?

Я вздохнул:

– Мне ничего не надо, Надежда Петровна. Честно говоря, я совершенно не понимаю, как вам помочь в этом деле.

– Нет! – крикнула Ламанова. – Не может такого быть! Вы умный, сильный. Хотя бы попробуйте.

«Из огня да в полымя, – мелькнула у меня мысль. – Придется оставить все дела и заняться поиском этих «сестер». Притом что даже написать об этом деле я не смогу – чтобы не повредить Ламановой».

– Ну, хорошо, я подумаю над этим. Однако мне понадобится и ваша помощь.

– Все что хотите! – быстро ответила Ламанова.

– Тогда завтра я вернусь, чтобы поговорить подробнее.

– Я буду весь день завтра здесь, – кивнула Ламанова. – Предупрежу всех о том, что вы придете.

Она проводила меня к дверям. Уходя, я оглянулся и увидел, что Надежда Петровна все еще стоит по ту сторону двери и смотрит мне вслед. Махнув ей, я зашагал к своему дому. «Может, удастся договориться о новом платье для Маши?» – вдруг пришла мне в голову мысль.

4

Фотограф с Ордынки

И снова, уже в который раз я поехал за советом на Остоженку, где за дверью с неприметной табличкой существовала частная охранная контора «Ваш ангел-хранитель». Ни часов приема, ни имени владельца конторы на табличке указано не было. Впрочем, люди, пользующиеся услугами «ангелов», и так знали, что хозяином тут бывший цирковой борец Петр Петрович Арцаков, а принимают круглосуточно. Тем более что некоторые из клиентов предпочитали приходить в контору как раз ночью. Услуги «ангелов» были востребованы многими. Купцы нанимали тут охрану при перевозке ценных предметов. Кредиторы обращались, когда надо было сделать должника чуть сговорчивей. Жены охотились за неверными мужьями, равно как мужья выслеживали с помощью «ангелов» своих ветреных жен. Московский градоначальник – высшее полицейское начальство – закрывал глаза на эту не всегда законопослушную деятельность, лишь потому что Арцаков не допускал среди своих сотрудников жестокости и своеволия. Также он внимательно следил, чтобы деятельность конторы не попадала в поле зрения газетчиков, предпочитая в наш век торжества рекламы оставаться известным только тем, кто в нем действительно нуждался. И, конечно, кто мог оплатить его недешевые услуги.

Среди клиентов Арцакова оказался и я. Причем совершенно для себя неожиданно. Суровая, но интересная газетная школа в «Московском листке», где я начинал, научила меня самостоятельной работе. Но два года назад, став невольным участником дела об украденных головах, я понял, что в одиночку мне невозможно справиться, особенно если речь идет о недостатке времени. Тогда я впервые обратился за помощью к Петру Петровичу Арцакову и его «ангелам». Второй раз мне пришлось приехать к нему год назад, когда в цирке Саламонского на Цветном начали гибнуть артисты в таинственных «смертельных номерах» – страшном тотализаторе, организованном шайкой Демки Тихого с помощью очаровательной Лили Марсель – Лизы Макаровой. И вот сегодня я опять приехал на Остоженку к конторе «Ваш ангел-хранитель» за помощью. В репортерской работе мне частенько приходилось сталкиваться с дном Москвы – с ее преступным миром. Однако, сознаюсь, была область, которой я не касался, потому что слишком далеко от моих интересов она находилась. Именно в нее теперь мне и предстояло вторгнуться.

Итак, пройдя мимо небольшой комнатки с вечно открытой дверью, за которой неизменно находился пожилой мужчина в обычном для «ангелов» черном костюме, я прошел по коридору и нашел кабинет Арцакова. Тот, уже предупрежденный о моем визите, развалился в своем кресле, попыхивая сигаркой. Он никогда не вставал, чтобы поприветствовать входивших – создавалось даже впечатление, что, подобно охраннику у двери, он врос в это кресло и никогда не покидал кабинета, все время находясь за столом, обитым зеленым сукном. Бывший цирковой борец, он был небольшого роста, мощный, хотя в последние годы заметно располнел.

– Владимир Алексеевич! – кивнул мне Арцаков. – Здорово! Опять вляпался в какую-нибудь ерунду?

– Опять! – весело ответил я, раздеваясь и вешая пальто с папахой на крючки за дверью.

– Неуемная ты душа! Нет чтобы сидеть дома с женой, кропать книжки, пить водочку с литераторами и артистами.

– Так одно другому не мешает, Петр Петрович, – ответил я, садясь на указанный мне стул.

– Ну и хорошо, – хлопнул ладонью по столу Арцаков. – Чай будешь?

– Просто чай?

– Зачем просто? – Арцаков надавил кнопку звонка. Почти сразу в дверь вошел один из его сотрудников. – Боря, принеси нам пару чая.

Потом он ловко вынул из-под стола початую бутылку «Курвуазье».

– У тебя вкусы не меняются, – заметил я.

– И слава богу, – хмыкнул он. – Знаешь, как англичане говорят? Мужчина, который не пьет, – то ли болен, то ли замыслил недоброе. Ты в Лондоне бывал?

– Нет. Все хочу съездить, но не получается.

– И не надо. Нечего там делать. Городишко мрачный, сырой и неприветливый. Как и все англичане. Не то что у нас тут, в Первопрестольной. Здесь жизнь, веселье. А там – возня и деньги. Вот и все.

Вернулся сотрудник, поставивший перед нами стаканы с черным чаем, от которого шел пар. Арцаков щедро плеснул в каждый стакан из бутылки и снова убрал ее под стол.

– Ну вот, теперь можно и о твоём деле. Рассказывай.

Я подробно изложил Арцакову историю с Юрой, поведал о просьбе Ламановой и задал интересующий меня вопрос. Арцаков аж крикнул и задумчиво посмотрел на меня.

– Ну ты даешь, Владимир Алексеевич! Охота тебе с этим связываться?

– Неохота. Но что поделаешь – дама попросила.

– Про великого князя Сергея Александровича знаешь?

Я кивнул.

– Ну так и что тут удивляться? 995-я статья все еще есть, однако кого по ней судили в последний раз? Выйди вечером на Никитский бульвар – сплошь «красные галстуки»! Да многие еще и красятся, как барышни.

Это было совершенной правдой. В Москве Никитский бульвар был особым местом, где собирались те, кого влекли не женщины, а представители своего же пола. Они носили красные галстуки и красные платки в карманах. Здесь назначались свидания, отсюда расходились по баням и квартирам парочки мужчин. Слыхал я и об оргиях, которые устраивали влиятельные гомосексуалисты, и о банщиках, которые оказывали сексуальные услуги клиентам, однако то были слухи – сам я, как говорил, никогда не интересовался этим параллельным московским миром. Хотя порок проник и в среду богемы – многие поэты и художники вдруг совершенно открыто стали признавать себя сторонниками однополрой любви, совершенно при этом не стесняясь!

– Может, тебе «Артель» нужна? – размышлял тем временем Арцаков. – Хотя и не похоже на то. Эти действуют почти открыто, без экивоков.

– Что за «Артель»?

– А вроде клуба.

– Ну, – сказал я, отпивая обжигающий чай. – Мне бы сначала узнать, кто таков Аркадий Бром.

– Бром? Давай-ка посмотрим...

Кряхтя он поднялся наконец из-за стола, подошел к картотеке и быстро нашел нужную карточку.

– Бром. Ага. Аркадий Венедиктович. Сутенер. Специализируется на студентиках. Все. Больше ничего нет.

Он снова вернулся в кресло и затянулся сигаркой.

– Студенты нынче все думают не об учебе, а о революции. Совсем с ума посходили. Что за поколение растет! Жизни не знает, а уже считает ее никчемной и несправедливой. А пока революции нет и не предвидится, готовы на все – и ради денег, кстати, тоже. Многие приезжают в Москву учиться – нищие, как церковные крысы. И тут – бах! – голова идет кругом, и – во все тяжкие. Доходят и до того... До этого то есть.

Тут он вскинул голову.

– Кстати! Ты говорил про фотографа. Говорил?

– Да.

Арцаков снова нажал на кнопку звонка. Явившемуся сотруднику он приказал позвать какого-то Березкина. Пока за вызванным ходили, Петр Петрович пояснил мне:

– Есть у меня паренек. Очень головастый. Митя Березкин. Он сам замоскворецкий и про всех там знает. Сейчас его спросим.

Наконец Березкин явился. Худой и высокий, с выступающим кадыком, одет в такой же черный костюм, который, однако, сидел на нем кургузо. Немытые редкие волосы прилипли ко лбу – как будто он только что снял шапку, в которой чуть ли не спал. Парень сел на табурет в углу, засунул сложенные ладони между колен и бросил на меня быстрый оценивающий взгляд.

– Березкин, слушай, – обратился к нему Арцаков, – у тебя в Замоскворечье ведь есть какое-то фотоателье хитрое. Где эти... мужеложцы снимаются на карточки. Точно?

– Есть такое, – кивнул парень. – Ателье Миллера.

– Адресочек подскажи.

– Большая Ордынка, семьдесят один. Перед Серпуховской. Там два ателье. Покровского – это то, которое с фасада. А вот если со двора зайти, то Миллера.

– Кто таков Миллер?

– Нету там никакого Миллера давно, – ответил юноша. – Разорился немец, когда Покровский свое ателье открыл. Перебил у него всю клиентуру. Только вывеска и осталась. Выкупил какой-то дядька у Миллера это ателье еще семь лет назад. Ну, и начал там снимать только специальных клиентов, Петр Петрович.

Арцаков повернулся ко мне и поднял бровь.

– Слышал, Владимир Алексеевич? Может, тот фотограф твой как раз этот не-Миллер и есть?

– Может быть, а может, и нет, – покачал я головой. – В Москве сотни фотографов, если не тысячи.

– Так-то так, – согласился Арцаков. – Но тут, как я понимаю, дело щекотливое. Фотограф должен быть доверенным лицом. Ведь «сестры» твои – люди, по всему видно, не бедные. Их такими снимками шантажировать – милое дело.

Я допил свой чай и поставил стакан на стол.

– Ну, ладно, поеду, поговорю с этим фотографом.

– Вот, возьми с собой Березкина, он тебе покажет место.

– Спасибо. Сколько я тебе должен?

Арцаков затянулся снова своей сигаркой.

– Да погоди пока. Чую я, что вляпался ты, Владимир Алексеевич, по самое то. Давай так – если мы тебе еще понадобится, я включу в общий счет. А если сам справишься – то и хорошо. Если вот только Березкину на калач дашь, чтобы он перекусил в дороге, – и то хорошо.

– Дам, дам и на калач, и на водку, – улыбнулся я.

– Но-но! Березкин! Никакой водки! Понял меня?

– Точно так! – быстро кивнул паренек и нервно облизнулся.

– Не спаивай мне Березкина, Владимир Алексеевич. Не дорос он пока до того.

С тем мы и расстались.

На улице моросил противный холодный дождь, грозивший при нынешней температуре скоро превратиться в снежную крупу. Я взял извозчика, и мы поехали на Большую Ордынку. Березкин сидел рядом, не глядя по сторонам, как будто дремал. Но когда мы почти доехали до Серпуховской, распрямылся и ткнул пальцем в четырехэтажный дом с лавками на первом этаже и большой вывеской «Фотография Покровского».

– Тут.

Расплатившись с извозчиком, я вышел.

– Спасибо тебе, Березкин, – сказал я юноше. – Дальше мне твоя помощь не потребуется.

– Как скажете, – пожал он плечами. – Только я тут подежурю, на углу. Если что – свистните. Вы вот тут обойдите, справа, там вторая дверь – зеленая. Вам туда.

– Хорошо.

Я обошел здание с торца и увидел нужную дверь. Она и вправду была выкрашена зеленым – только давно, может быть, еще во времена Московского пожара. Краска облупилась и пошла черными пятнами. Никаких табличек или вывесок над ней не было, но рядом на стене красной краской был нарисован небольшой петушок. Наверное, опознавательный знак для своих.

Толкнул дверь, разбудив подвешенный над ней внутри медный колокольчик на проволоке. Я думал, что окажусь сразу в ателье, однако попал сначала в короткий темный коридор – сырой, с потускневшими бумажными обоями. Пришлось даже зажечь спичку, чтобы обнаружить в конце него еще одну дверь. Но она была заперта. Понятно, что колокольчик должен был предупредить хозяев, что кто-то пришел. А закрытая дверь позволяла убрать все, что не полагалось видеть чужим глазам.

Я постучал.

– Одну минутку! – раздался голос из-за двери.

Послышался звук отодвигаемого шпингалета, и в проеме возникла чья-то фигура.

– Что угодно? – фигура говорила сипловатым голосом с едва уловимым южным говором.

– Хочу сделать фотокарточку.

– Верно, вы ошиблись дверью. Фотоателье Покровского с другой стороны дома.

– Нет, – ответил я твердо, – дверью я не ошибся.

– Но тут не делают фотографий.

– А мне сказали, что делают.

– Кто сказал?

– Не важно.

– Довольно важно-с.

– Дайте мне войти, и я, может быть, скажу вам.

Человек сделал два шага назад, пропуская меня.

Это было все же определенно фотоателье. Противоположная стена задрапирована синей тяжелой тканью. В правом углу составлено несколько старых кресел, за которыми помещался диван. Аппарат на треноге стоял чуть слева. Несколько фонарей, также на треногах, стояли позади аппарата. Я вошел и снял папаху, оглядывая обстановку. Потом посмотрел на самого фотографа. Это был небольшого роста мужчина, которого для краткости можно было бы описать словом «изящный», однако в этой «изящности» была какая-то потрепанность. Близко посаженные глаза были обведены темными кругами, свидетельствовавшими то ли о бессонной ночи, то ли о внутренней болезни. Усы и борода все еще оставались аккуратно постриженными, однако на щеках уже проросла довольно заметная щетина. Короткие волосы были всклокочены, и он, заметив направление моего взгляда, попытался их пригладить рукой.

– Так кто вам дал мой адрес? – спросил фотограф.

– Вы его все равно не знаете, – ответил я.

В глазах фотографа мелькнула тревога.

– Кто вы? И что вам тут надо? – спросил он.

Я молча, сделав самое угрожающее лицо, медленно полез во внутренний карман и достал визитную карточку.

– Вот.

Фотограф взял карточку. Я заметил, что пальцы у него немного подрагивают.

– Гиляровский Владимир Алексеевич, – прочитал он и поднял на меня глаза. – Я, кажется, слышал вашу фамилию. Вы писатель? Драматург?

– Репортер.

Лицо фотографа окаменело. Желваки на щеках начали буквально прыгать.

– Прошу прощения, но у меня приватное предприятие, только для друзей и знакомых. Прошу вас уйти, иначе я позову полицию.

Не отвечая, я прошел к стульям, выбрал тот, который мне показался покрепче, и сел на него, закинув ногу за ногу.

– Зовите. Но я никуда не уйду, пока не получу ответы на несколько вопросов.

– Я сейчас позову полицию! – выкрикнул фотограф, ломая пальцы.

– Не говорите глупостей, – отрезал я. – Никого вы не позовете. Вам это так же не нужно, как и мне.

– Но я вовсе не хочу попасть в газеты!

– Вы и не попадете, – ответил я. – Я здесь, скажем так, с частным визитом.

– С частным?

– Да.

Он нервно заходил из стороны в сторону, видимо, соображая, как ему теперь себя вести в этой странной ситуации. Наконец, остановился и повернулся ко мне.

– Что вам нужно?

– Простите, не знаю, как вас по имени-отчеству.

– Леонид. Этого довольно.

– Хорошо, – кивнул я, – как вам будет угодно. Леонид так Леонид. Буду говорить откровенно. Начну с того, что я знаю характер тех фотографий, которые вы делаете. Возможно, прокурора ваша работа заинтересовала бы, но я вовсе не собираюсь бежать к прокурору и доносить на вас.

При этих словах фотограф чуть-чуть расслабился.

– Я не делаю ничего противозаконного. Это для друзей, для их частных коллекций.

– Пусть. Меня интересует только одна фотография, которую вы сделали позавчера. На ней – трое господ в женских платьях и один молодой человек.

– Нет. Ничего такого я не помню, – быстро сказал фотограф, но я почувствовал, что он обманывает. Вынув из кармана табакерку, я заложил в нос небольшую щепоть табаку, вдохнул и снова сунул табакерку на место.

– Леонид, – сказал я, вытирая нос платком, – так нечестно. Я был с вами откровенен, пообещал, что не пойду к прокурору, что не напишу про вас в газету, и вы тут же мне соврали. Вы там были и фотографировали.

– Даже если так, – парировал фотограф, – с чего мне сознаваться? Что вы мне сделаете?

– Я? Ничего. Как я и говорил, сам я в полицию не пойду. Но вполне возможно, что скоро полиция сама сюда нагрянет. Дело в том, что тот юноша вчера утром повесился.

– Повесился! – ахнул фотограф. – Такой молодой!

– Ага! Вы его помните!

– Может быть, – смущенно пробормотал фотограф. Его глаза нервно стали перебегать с камеры на задрапированную стену и обратно.

– Кто были эти люди в платьях?

Он посмотрел мне в глаза. Слишком прямо.

– Я впервые их видел. Мне прислали письмо с нарочным. В нем был хороший аванс и адрес, куда ехать. Я поехал и сделал несколько снимков. Только и всего.

– И часто так бывает, что вы не знаете, к кому едете?

Он пожал плечами.

– Не часто, но случается. Есть люди, которые не афишируют... Вы понимаете?

– Да. Я понимаю. То есть вы совершенно точно не знаете этих господ?

– Нет, – ответил он упрямо.

Ну что мне было делать? Попытать в мои планы не входило. Поэтому я перешел ко второй части своего плана.

– Остались ли у вас отпечатки с тех пластинок?

– Нет. Отпечатки делаются в единственном числе.

– А сами пластинки?

Он замаялся. Я повторил вопрос.

– По уговору я должен либо передавать пластинки заказчику, либо уничтожать их.

– Но вы, Леонид, не сделали ни того, ни другого?

Он пожал плечами.

– Иногда клиенты забывают про это. А иногда просят сделать еще отпечатки. На всякий случай я храню...

Я облегченно перевел дух.

– Хорошо. Я куплю у вас пластинки, снятые позавчера.

– Но они не продаются! Это невозможно!

– Эти – продаются, – сказал я твердо.

– С чего вы взяли?

– С того, что они мне нужны и вы их мне продадите.

– А если не продам?

Я вздохнул и встал:

– Послушайте, Леонид, вы меня сильно утомили. Я мог бы отобрать пластинки у вас силой. И, поверьте, я способен это сделать. Но поступлю по-другому. Я обещал вам не печатать ничего в газетах. Но не обещал того, что не скажу про вас другим репортерам. Для них, уверен, это будет настоящим подарком. И уже сегодня вечером здесь будет полно журналистов. Вы станете героем первых полос. Очень пикантная история. А потом придет следователь. О! Это дотошный проныра – я его видел. Он вас с потрохами съест. Так что вот вам минута: или вы продаете мне снимки, или я иду напрямиком в редакцию «Московского листка».

– Черт! – закричал фотограф. – Вы... Вы меня обманули!

– Формально – нет. Где пластинки?

Леонид нервно начал грызть ноготь на указательном пальце, наконец сказал:

– Они не здесь. Я храню их во дворе, в пристройке.

– Идем туда.

Он постоял в нерешительности, а потом выдохнул:

– Черт с вами. Идем.

Через тот же коридор мы вышли во двор дома и направились к полуподвальной пристройке. Фотограф порылся в кармане и выудил большой ключ. Вставив его в замок, он попытался повернуть ключ, но тот не шел.

– Что такое? – пробормотал Леонид и потербил ключ в замке. А потом потянул за ржавую ручку, и дверь открылась.

– Открыто, – сказал я.

– Не может быть. Я закрывал ее.

– Забыли, может быть?

Он помотал головой и начал спускаться по деревянной лестнице. Я – за ним. В темноте вспыхнула спичка, а потом фотограф зажег керосиновую лампу, осветив помещение. Здесь было довольно аккуратно – у стены стоял древний шкаф со стеклянными дверцами, за которыми на полках виднелись бутылки темного стекла. Другой шкаф, рядом, закрывался сплошными дверцами, некогда лакированными, но теперь почти полностью протершимися и осыпавшимися. На простом кухонном столе стояла металлическая эмалированная ванна, в которой хозяйки стирают белье или купают младенцев. Тут же лежала стопка нераспечатанных фотопластин фабрики Занковского и рядом – коробка, вероятно, с альбуминовой бумагой.

– Темно тут, – заметил я.

– Окна закрыты снаружи, – пояснил фотограф, направляясь к глухому шкафу. – Я открываю их, только когда печатаю.

Он просунул руку между шкафом и стенкой и начал шарить там.

– Что за... – пробормотал Леонид. – Что за черт!

– Что-то случилось?

– Ключ от шкафа.

– Не можете найти?

– Нет.

Я подошел и потянул дверцу на себя. Она легко распахнулась.

– Здесь открыто.

Фотограф медленно выпрямился.

– Этого не может быть! Просто не может быть! Этот шкаф всегда закрыт на ключ. Вы же понимаете, что именно здесь хранится?

– Если вы забыли запереть подвал, то точно так же могли забыть запереть и шкаф.

Он гневно посмотрел на меня, но ничего не ответил, а повернулся к полкам, на которых плотно стояли конверты из картона, в которых, вероятно, хранились использованные уже стеклянные фотопластины.

Тут мне в голову неожиданно пришла одна мысль, которой следовало было бы появиться раньше.

– Леонид, – позвал я, – ведь вы фотографировали только позавчера, так?

– Да.

– И что же, вы за это время уже успели сделать оттиски и отправить заказчикам?

– Да. Я сделал это вчера вечером. Пакет отправил с... с одним знакомым. Так что здесь должны были остаться негативы. Да. Впрочем... – Он повернулся ко мне. – Я оставил себе один отпечаток. Я делаю так – чтобы не мучиться, разглядывая негативы, если надо найти нужные пластины. Такая... контрольная фотография.

– Прекрасно, – отозвался я. – Где это все?

Он снова начал рыться в пакетах, время от времени доставая их и вытаскивая то отпечаток, то пластинку. При этом старался повернуть их так, чтобы я не заметил.

– Странно, – тихо сказал он наконец. – Я помню точно, что положил пакет вот сюда, с краю. Но теперь его нет. И нет нигде. Куда же он делся?

Наконец мне надоело это бормотание.

– Прекратите этот цирк! Немедленно дайте сюда то, что мне нужно! – скомандовал я.

Леонид, искавший на самой нижней полке, молча поднялся с корточек, подошел к столу и сел на высокий табурет.

– Нету, – просто сказал он и развел руками. – Нету.

– Давайте или сейчас сам посмотрю, – пригрозил я, думая, что фотограф не согласится на вторжение в его порнографические закрома. Но тот только кивнул.

– Смотрите сами. Мне все равно. Как я еще могу вас убедить в том, что негативы исчезли.

– Врете!

– Ну сами подумайте! – воскликнул Леонид. – Дверь в подвал открыта! Дверь шкафа открыта! Негативов нет. Ну какой вывод?

Я все никак не мог поверить в то, что фотограф не юлит и не пытается меня надуть. Я снова упомянул про репортеров, но Леонид только покачал головой и сделал обреченный жест – мол, делайте, что хотите.

– Хорошо, – сказал я наконец, – кто мог похитить именно эти негативы?

Фотограф молчал. Мне показалось, что он просто не хочет говорить на эту тему. И тогда я решил выкинуть еще одну карту на стол.

– Мог это быть некто Бром Аркадий Венедиктович?

Фотограф вздрогнул и посмотрел на меня пристально.

– Вы знаете Аркадия? – спросил он. – Откуда?

– Не важно.

Леонид встал с табурета.

– Пойдемте.

Мы поднялись на улицу, и фотограф запер дверь пристройки. Потом повернулся ко мне.

– Послушайте, господин Гиляровский, – твердо сказал он. – Идите к черту. Зовите свою братию, зовите полицейских, зовите хоть дьявола! Но я больше вам ничего говорить не буду. Я устал. Я не выспался! У меня пропали негативы. Мне надо выпить кофе! Так что желаю оставаться!

Он развернулся и ушел в свое ателье.

Я остался один, пожал плечами и пошел в сторону Ордынки – искать извозчика. На углу, привалившись плечом к водосточной трубе, стоял продрогший Березкин.

– Ну как, – спросил он, – удачно?

– Не очень, – признался я и достал целковый. – На тебе, Березкин, на чай. И окажи мне еще одну услугу. Узнай, как точно зовут этого фотографа. Имя у него Леонид. А мне надобны еще отчество и главное – фамилия.

– Будет сделано! – ответил Березкин.

На этом мы с ним расстались. Я взял извозчика и поехал на Большую Дмитровку – к Ламановой.

5

Дефиле

Извозчик мне попался разговорчивый – из тех московских извозчиков, что рады поговорить на любую тему, но особенно охотно осуждают несправедливость мироустройства и отдельно взятых городских начальников. Сначала я не вступал в разговор, обдумывая поведение фотографа Леонида.

Было совершенно ясно, что после того, как я упомянул Аркадия Брома, он замкнулся и отказался помогать. Почему? Сам фотограф внешне и повадками очень походил на тех, кого фотографировал. А Бром был сутенером из этой среды. Может быть, между ними существовала любовная связь, и потому фотограф замолчал, услышав имя своего... товарища? Сутенеры в обычной жизни частенько были любовниками своих подопечных – как-то я уже рассказывал про «котов» и их «теток».

Но как это выяснить? Знакомства в среде мужеложцев у меня были – в основном речь шла о некоторых собратях по профессии репортера, представителях богемы. Прав был Петр Петрович Арцаков – последние годы эта болезнь начала превращаться в эпидемию, захватывая творческие круги двух столиц. И не потому, что такова была природа этих художников, поэтов, танцовщиков балета, музыкантов и писателей. Просто... это было модно. Новый век, который согласно математикам еще и не начался вовсе, уже сместил какие-то глубинные внутренние пласты человека. Если всю вторую половину века прошедшего молодежь увлекалась идеями социальными, шла от народничества с его «хождением в народ» до терроризма, то теперь общим настроением был второй, очень мощный расцвет нигилизма, отрицания традиций и устоев – причем вместе с традициями косными отбрасывались и те, которые даже мне казались вполне понятными и нужными. Например, любовь к женщине. Стало принято считать всех женщин охотницами за деньгами и наслаждениями. Женщину низвели до уровня самки. Отношения с женщиной рассматривались как нечто низкое, плебейское. В то время как эксперименты с мужчинами признавались поиском высокодуховного. Социальные идеалы, принцип не службы, а служения, служения не государству, а народу, были почти забыты. Вспомнили вдруг о Спарте и тамошней традиции составлять военные отряды из мужчин-любовников, которые стояли насмерть, стыдясь бегством и слабостью подвести своего возлюбленного. Кто-то даже предлагал формировать такие полки и в нашей армии. Впрочем, это предложение пока встречалось громким смехом – откуда, мол, мы наберем столько солдат определенных наклонностей? Впрочем, скосив глаза на бульвары, проплывающие мимо, я подумал, что эту идею вполне уже можно осуществить. Если Арцаков прав, то стайки вычурно одетой молодежи, бродившие по ним, сплошь состояли из таких вот «бойцов»! Неожиданным образом мои размышления подтвердил вдруг извозчик. Указав кнутом на бульвары, он сказал:

– Тыфу, стыдоба! И ходю тут, проклятые, совсем разум потеряли.

– Кто? – спросил я.

– А вот энти – петушата. В пролетку садятся и ну обжиматься, целоваться. Едешь, все вроде как оборачиваться не оборачиваешься, так спиной энто бесстыдство чувствуешь.

– Так ты и не сажай их.

– Не сажай! Ну, вы, барин, и скажете! – мрачно изрек извозчик. – Мы правов таких не имеем, чтобы пассажира не сажать. Ежели городской узнает – живо лицензию сдавай. У нас с энтим строго! Вот и сажаешь. Особо скубентов много. А есть которые как девки накрашены. Ей-богу, хоть переходи в другую артель – чтобы подальше от бульваров ездить-то.

– Так и переходи.

Он полуобернулся ко мне.

– Переходи! Не-е-ет, барин, это не так просто. В нашей-то артели все свои – из одной деревни. Тут я уже годков пять батрачу – и залог уже выплатил. А перейду я в другую артель – там что? Всяк чужой, всяк не родной. Да еще и сначала все начинать? Не-е-е-ет, это не пойдет.

– Хоть платят они нормально? – спросил я.

– Платят нормально, – кивнул извозчик, – сверху на чай накидывают. А когда пьяненькие, так и не считают. Да только, по мне, пусть поменьше платят, да не целуются.

«Петушата»... И вправду, многие были похожи на молодых петушков – ярко, вызывающе одетые, заменившие по случаю холодной ноябрьской погоды свои красные галстуки на такие же вызывающе-красные шарфы, с пальцами, унизанными перстнями, с шапочками, сдвинутыми на самое ухо... Обычные прохожие опасливо обходили стороной их шумные компании, оккупировавшие бульварные скамейки, стоявшие в ряду черных оголившихся по случаю поздней осени деревьев. Они забирались на них с ногами, садились на спинки, чтобы не испачкаться, а сами пачкали сиденье своими грязными калошами. По городским правилам это считалось ужасным преступлением, но «петушатам» и дела не было до городских: сделают им замечание – они слезут, перейдут на другой насест и снова кукарекать на всю округу.

Впрочем, это была только видимая часть большого ныне сообщества женоненавистников. Как я говорил уже, среди моих знакомых тоже были его приверженцы, однако вот уж их назвать «петушатами» язык никак не поворачивался. В их облике не было никакой крикливости – скорее некая чрезмерная для мужчины элегантность и тонкость поведения. Впрочем, наводить справки среди этой части своих знакомцев показалось мне не самой удачной мыслью – я подозревал, что они не пересекались с тем миром «петушат», который все больше захватывал и бульвары, живя в своей особой реальности.

Мы пересекли Тверскую у памятника Пушкину и, свернув на Дмитровку, подъехали к ателье Ламановой, когда уже начало понемногу смеркаться. Расплатившись, я вошел внутрь и застал небольшой переполох. Ламанова, чем-то взволнованная, отдавала указания девушкам, которые бегали по гостиной с тряпками, протирали ручки и спинки кресел. Другие метелочками из перьев смахивали пыль с драпировок и освежали их из пульверизаторов. Пахло свежими духами и немного подмокшей тканью. Все люстры сияли ярким светом.

– Владимир Алексеевич! Как вы вовремя! – вскрикнула Ламанова, увидев меня. – Это просто какой-то кошмар! И еще в такое время!

– В какое время? – поинтересовался я, передавая пальто и папаху в руки молоденькой девушки, прибежавшей ко мне по знаку «мамы Нади», как ее называли собственные портнихи.

– Идите сюда!

Я подошел. Ламанова схватила меня за рукав, потянула за ширму и усадила в стоявшее там кресло.

– Хотите чаю или кофе?

– Кофе.

– Люся! Кофе Владимиру Алексеевичу!

– Так что случилось?

– Ну, во-первых, меня шантажируют. А во-вторых, все это очень не ко времени, потому что мне нужно с вами поговорить, а сейчас придет очень важная клиентка, и я обещала ей устроить дефиле.

– Устроить что?

Мое удивление было нетрудно понять: еще по службе в армии я знал, что дефиле – это простреливаемое пространство. Но никак не мог вообразить, что где-то тут засела рота солдат или целая артиллерийская батарея.

– Дефиле. Впрочем, вы, скорее всего, не поймете. Ну, ничего. Сделаем так. Я вас не отпущу – слишком вы мне сейчас нужны. А то уйдете – и поминай как звали. Нет! Вы тут

посидите, погреемся. Можете подремать, если хотите. Или даже подсматривайте – вот в эту щелочку. Думаю, вас это заинтересует. Только – ради бога – ни строчки в газете. Поклянитесь!

– Клянусь, – улыбаясь, сказал я.

Вот, честно, никогда с такой легкостью я не клялся женщинам. Впрочем, Надежда Петровна была такой обаятельной дамой, что я бы дал ей, наверное, любую клятву, которую она попросила – такова была сила ее женской магии. Но это было как раз понятно – при ее роде занятий.

– Приехали! – крикнул девичий голос – вероятно, кто-то дежурил у витрины.

– Все, – сказала Ламанова, – сидите здесь и не выдавайте своего присутствия ради бога!

Я кивнул. Ламанова пошла в гостиную, а ко мне проскользнула девушка, принимавшая у меня пальто. В руках она несла поднос с чашкой кофе, сахарницей севрского фарфора с каким-то китайским рисунком и блюдец с крохотным печеньем, посыпанным горькой.

Положив в чашку кусочек сахара, я принялся размешивать его изящной серебряной ложечкой, задумавшись – кто и зачем шантажирует Надежду Петровну, но скоро шум платьев и голоса отвлекли меня. Не удержавшись, я приник к указанной мне щелке в ширме и чуть не присвистнул от удивления: в гостиную вошли несколько дам, которые сейчас скидывали свои шубки и пальто на руки ламановским девушкам. И среди них была сама супруга московского генерал-губернатора, ее императорское высочество Елизавета Федоровна. Остальные дамы, скорее всего, служили при ней фрейлинами и составляли свиту. Действительно, мне не стоило высовываться, потому как у входа, наверное, дежурила охрана. И если меня обнаружат, то будет плохо. По-видимому, охрану решили не впускать на это таинственное «дефиле» в мир женщин, иначе дотошные служаки непременно обыскали бы перед приездом ее высочества все ателье, сыскали меня и устроили бы допрос – с какой целью я прячусь здесь за ширмой. Не имею ли я какие-то неприличные, а то и просто злые намерения.

Ламанова о чем-то тихо разговаривала с Елизаветой Федоровной. Она как будто делалась ниже ростом – такой эффект я наблюдал у приближенных к императорским особам. Известно, что Николай Александрович был небольшого роста и всех, кто выше его, – не любил. Оттого даже самые высокие царедворцы в присутствии государя подгибали коленки и горбились, чтобы не дай бог не показаться царю выше, чем он.

Елизавета Федоровна говорила мало – в основном кивала. По-русски супруга Сергея Александровича научилась говорить почти без акцента, но сама по себе была не очень разговорчивой. Кроме того, никто не видел, чтобы она когда-нибудь улыбалась – даже на парадных портретах она всегда смотрела отрешенным взглядом.

Одета Елизавета Федоровна была в прекрасно сшитое фиолетовое платье – либо купленное во Франции, либо заказанное у той же Ламановой.

Наконец, дамы расселись по местам, а Ламанова осталась стоять с краю. На переднее кресло села Елизавета Федоровна, фрейлины же разместились во втором и третьем рядах кресел.

– Ваше высочество, – начала Ламанова, – я взяла на себя смелость впервые в России провести для вас настоящее парижское дефиле с платьями, которые были закуплены мною буквально месяц назад, до того, как их снимки напечатают в модных журналах. То, что вы увидите сейчас, появится в прессе лишь через две недели.

Елизавета Федоровна кивнула и обернулась к даме, сидевшей справа. Та осторожно начала аплодировать. Остальные фрейлины также тактично похлопали. Наконец, аплодисменты стихли, и Ламанова продолжила:

– Итак, в этом году мы прощаемся с таким уже архаичным явлением, как рукав-буф. Ни буф, ни фонарики – ничего этого больше не будет. Линия плеча элегантно переходит в рукав, сшитый точно по руке... ну... безусловно, мы подчеркнем изящество плеча, однако без каких-либо излишеств. Я считаю, что главный девиз нового века в моде – это естественная элегант-

ность. Причем это касается любого типа фигур. На первый план выходит красота женского тела, скорректированная умелым модельером. – Ламанова улыбнулась и слегка поклонилась в сторону супруги великого князя. Та снова кивнула. Несомненно, ее платье совершенно отвечало всем тем новым тенденциям, о которых говорила Ламанова.

– Итак, начнем с туалета для отдыха на море.

Дамы оживились. «Тонкий ход, – подумал я, – зимой многие аристократические семейства отъезжают за границу, на южные курорты. Начать с показа туалетов для морских променадов – значит сразу завоевать внимание подобных клиентов».

Раскрылась противоположная дверь, и оттуда вышла высокая девушка в светло-желтом платье.

– Фасон «принцесса» – вам уже знакомый по моделям прошлых лет. Обратите внимание на кокетку из белого гипюра и черный бант – они превосходно сочетаются с шерстяной материей, которая защитит вас от свежего морского ветра. Ну, и соломенная шляпа с лентами того же цвета закончит весь ансамбль.

Девушка немного скованно прошла перед креслами, повернулась и пошла обратно к двери. Дамы начали сдержанно перешептываться. Великая княгиня, сидевшая ко мне вполоборота, оставалась совершенно бесстрастной. Только ее скулы немного порозовели.

– А вот другой вариант, – сказала Ламанова, снова поворачиваясь к Елизавете Федоровне. Из двери вышла новая девушка – аккуратная брюнетка с удивительно тонкой талией и выразительным бюстом. Она чувствовала себя намного смелее.

– Голубой муслин как нельзя лучше будет сочетаться с синим небом и изумрудными волнами. Обратите внимание на кружевной волан юбки и черные бархатные медальоны. Воротник из черной тафты с воланами голубого муслина. Обратите внимание – рукав, как я и говорила, идет от плеча со строгой элегантностью. Но буф все же есть, однако он спущен до локтя, что дает свободу движений. Вообще, посмотрите – рукав плиссированный, что позволяет, с одной стороны, создавать ощущение стройности линий, а с другой – совершенно не стесняет движений. Ну, и последнее, что стоит отметить особо – больше нет жесткого воротника-стойки на платье. Вместо него – шемизетка из белого гипюра и только на ней – стоечка с кружевной рюшкой.

Приятный голос Ламановой, тепло в ее гостиной и уютное кресло в конце концов сделали свое дело – отставив чашку с остывающим кофе, я откинулся на спинку и зевнул. В это время брюнетка, вероятно, ушла, и из-за ширмы голос Надежды Петровны объявил туалет из крепдешина маисового цвета для скачек, состоящий из круглой юбки с плиссированной вставкой из белой тафты и крепдешинового корсажа-блузы с баской и вставкой-жилетом... Я лениво подумал, что стоит, наверное, прикинуть к щелке в ширме и посмотреть, но вместо этого прикрыл глаза и незаметно провалился в сон.

– ...Нет, вы видели такое?! Владимир Алексеевич! Владимир Алексеевич!

– А? Что? – Я широко раскрыл глаза. В спине ломило – видимо, во время сна я немного сполз с кресла и теперь находился в довольно странной позе – как будто собрался упасть на колени перед Ламановой, но так и не успел это сделать.

– Вы так храпели! – говорила Надежда Петровна, то ли сердясь, то ли посмеиваясь над мной, еще ничего не понимающим спросонья.

– Я? Помилуй бог, я не храплю.

– Храпели-храпели! Да еще как залиvisto! Мне пришлось все время повышать голос, так что к концу дефиле я почти кричала. Хорошо, что мои клиентки привыкли не замечать то, что замечать не следует. Однако попрошу вас, Владимир Алексеевич, если вы в следующий раз заснете во время моего дефиле, храпеть потише.

– Надежда Петровна! – огорченно сказал я, принимая более вертикальную позу в кресле.

– А вы можете храпеть, например, мелодиями оперных арий?

– Вы смеетесь надо мной!

– Конечно, смеюсь, Владимир Алексеевич, дорогой! Вы вели себя прекрасно – тихо как мышка! Мне даже показалось, что вы сумели от меня улизнуть. И я очень рада, что это не так. Вы голодны?

– Да, – сказал я с облегчением.

– И я. Поедемте ужинать.

– Куда?

– В «Славянский базар», – предложила Ламанова. – Конечно, далековато, но после работы хочется перекусить. Муж мой в командировке по делам своего страхового общества, так что я вольна обедаться, сколько хочу, вне дома. К тому же, – добавила она, моментально погрузнев, – разговор у нас будет не из приятных. Хочется его скрасить.

– Все-таки шантаж? – спросил я.

Ламанова кивнула.

– Шантаж. Днем принесли письмо. Оно у меня в ридикюле. Поедем, Владимир Алексеевич, девочки уже извозчика у дверей поставили – ждет.

Мы оделись и вышли на улицу.

6

Письмо с фотографией

Мы ехали вниз по Тверской в сторону Кремля. Уже давно стемнело, ветер немного стих, тротуары были освещены фонарями и витринами магазинов. Но прохожие в этот час уже не обращали на них внимания – основная волна народа, возвращавшегося со службы, уже схлынула и только последние пешеходы спорым шагом старались побыстрее добраться домой, к теплым печам, пледом и горячему ужину. Обычное плотное движение на главной улице города также утихло – нам даже не пришлось нигде стоять, пропуская встречный поток с бульваров и переулков, или дожидаться, пока разъедутся груженные ломовики. Я отдал полость Надежде Петровне, а сам плотнее запахнул пальто и пониже надвинул на самые брови папаху.

– Ну, хорошо, – сказал я Ламановой, – если вы не хотите до ужина говорить о письме, то хоть скажите, как прошло ваше дефиле, которое я проспал.

– А? – рассеянно произнесла она. – Дефиле? Да... Хорошо.

– Елизавета Федоровна осталась довольна?

– Конечно, – кивнула Надежда Петровна. – Конечно, довольна. Она, бедняжка, не очень хорошо разбирается в модных тенденциях. Все-таки провинциальное воспитание...

– А мне показалось, что одевается она совершенно в том духе, о котором вы рассказывали.

– Конечно! Ведь одевается она у меня! Вы заметили ее платье?

– А императрица?

– Что императрица?

– Вы же шили для нее. Императрица тоже плохо разбирается в этих... модных тенденциях?

– Ах, Александра Федоровна? – Ламанова покосилась на спину извозчика и потом продолжила доверительно тихо: – Императрица думает, что разбирается. Но на самом деле, как мне показалось, для нее это – скорее мука, чем удовольствие. Вы знаете, что обычно она ходит в простой блузке и юбке? И вообще – очень скромна. Настоящая протестантка. В их семье платья переходят от старших дочерей к младшим.

– Правда?

– Да. Их время от времени подновляют – причем не только воротники, но даже обшлага рукавов.

– Это скромность или скупость? – спросил я так же тихо.

Ламанова пожала плечами.

– Судите сами. Говорят, что за прошлый год императрица оплатила счет в «Модном доме Бризак» на девятнадцать тысяч рублей.

– Это много.

Ламанова укоризненно взглянула на меня.

– Что вы! Поверьте мне, это крохи. Просто Альберту Бризаку выгодно звание поставщика. И даже не ему – а его французской родне, которая кричит об этом на своей родине на каждом углу.

– Ну, хорошо, – сказал я. – Тогда ответьте на один вопрос, который мне сейчас пришел в голову. Ваши примерки длятся по нескольку часов. Неужели так было и с Александрой Федоровной?

– Нет, конечно, – пожала плечами Надежда Петровна. – Кто бы мне дал? Мы встречались несколько раз, выбирали ткани и фасоны. А работала я с манекеном.

– Ну а как же соблюдение пропорций? Ламанова улыбнулась.

– Владимир Алексеевич, есть специальные манекены, сделанные с пропорциями императрицы-матери, Александры Федоровны и молодых царевен. Только вы их не увидите, потому что это – государственная тайна. И хранятся они только в двух местах. Первый комплект – в «Модном доме Бризак». Однако туда мне можно было даже не соваться. Мадам Бризак живо почувствовала во мне конкурента и просто откровенно запретила пускать меня на порог своего заведения. Пришлось идти к мадам Ольге.

– Кто это?

– Ольга Николаевна Бульбенкова. Она шьет придворные дамские мундиры.

– Мундиры?

– Это так официально называется. Платья особого утвержденного фасона. Мадам Ольга – просто душа, мы с ней быстро сговорились за небольшую арендную плату.

– Государственную тайну за арендную плату?

– У меня был допуск от министерства двора... – Ламанова резко повернулась ко мне и рассмеялась: – Владимир Алексеевич! Нехорошо! Как это вы быстро вытягиваете из меня секреты!

Наконец мы оказались на Никольской у подъезда гостиницы «Славянский базар» с одноименным рестораном. Метрдотель провел нас в один из отдельных кабинетов, которые располагались в коридоре, соединявшем ресторан и гостиницу – как тогда шутили, в кабинетах «Славянского базара» составилось немало брачных союзов. Иные обходились и без венчания. Этот прекрасный ресторан русской кухни был славен своими завтраками и обедами. А вот ужины тут были непопулярны – оттого и народу здесь по вечерам было сравнительно немного.

Наконец, сделав заказ, Ламанова откинулась на спинку стула и поставила свой ридикюль на колени.

– Итак? – спросил я.

Она открыла ридикюль, вытащила оттуда конверт без адреса и передала мне.

В конверте находился листок бумаги с несколькими строчками и фотография.

Да-да, та самая пропавшая фотография, которую мы недавно искали вместе с экстравагантным фотографом Леонидом в его полуподвальной мастерской. Письмо я отложил в сторону, а сам принялся разглядывать снимок. На нем было изображено четверо мужчин. Двое, как и в рассказе Ани, сидели на диване, а двое стояли сзади. Одним из сидевших был несчастный молодой поэт Юрий, тело которого я видел еще недавно в камере, где он жил с сестрой. Его лицо выражало скорее недоумение, чем страх или осознание того, что происходит. Вероятно, он все еще никак не мог поверить в происходящее. Трое других, в масках, одетые в красивые женские туалеты, улыбались. Но если у того, кто сидел рядом с Юрием, улыбка была молодой и почти искренней, то двое, стоявшие сзади, скорее скалились. Причем тот, который стоял сзади Юрия, явно прижимал своей рукой его плечо к спинке дивана. Позади группы можно было разглядеть полосатые обои и справа – угол какой-то картины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.